

Е. Т. ГАЙДАР

Смуты и институты

Статья посвящена институциональному вакууму при крушении старой системы, так как старые институты разрушаются в считанные дни, а для создания новых требуется достаточно длительное время.

Ключевые слова: революция, власть, смута, институциональный вакуум.

The author discusses institutional vacuum at the crash of the old system when old institutions disappear very fastly and for the creation of the new ones a long time is required.

Keywords: revolution, power, troubles, institutional vacuum.

Нет дела, коего устройство было бы труднее, опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые.

Н. Макавелли "Государь"

Современная экономическая теория основывается на представлении, что экономическую жизнь страны определяют ее институты – правила, устанавливающие отношения между людьми, государством, организациями. Мысль, что привычные установления важны для экономического роста, трудно назвать новой. В этом суть классической работы А. Смита "Исследование о природе и причинах богатства народов".

При таком интеллектуальном наследии непросто понять, почему еще полвека назад внимание исследователей к роли институтов в экономическом развитии было скромным. В те годы такие факторы экономического роста, как уровень национальных сбережений и инвестиций, обсуждались куда чаще и считались более важными, чем господствующие в обществе обычаи, традиции, установления. Причина этого в том, что поколения ученых воспринимали институты, сложившиеся в Западной Европе, как естественные и единственно возможные. Потребовались потрясения первой половины XX в., социалистические эксперименты, две мировые войны, чтобы экономическое сообщество осознало то, что хорошо понимал А. Смит: экономический рост определяется качеством и состоянием национальных институтов.

Институты отражают привычные нормы поведения. Стабильность в обществе, государстве – залог их эффективности. В то же время развитие общества, перемены в его жизни требуют изменения этих институтов. Проблемам, связанным с ломкой сложившихся норм поведения, посвящены работы Д. Норта [North, 1990; 1971; 1994]. Сочетание стабильности и гибкости, риски, связанные с делегитимацией традиций, – ключевые вопросы при анализе взаимосвязи институтов и экономического роста. Впрочем, бросается в глаза почти полное отсутствие у последователей институцио-

---

Гайдар Егор Тимурович (1956–2009) – доктор экономических наук, профессор. В 1992 г. – и.о. Председателя Правительства РФ, 1993–1994 гг. – первый заместитель Председателя Совета Министров Правительства РФ, 1994–2001 гг. – председатель партии "Демократический выбор России".

нальной школы серьезных работ, посвященных не эволюции институтов, а их краху в период смут и революций [Gustafsson, 1998].

В марксистской литературе тема устойчивости новых порядков, не имеющих за собой традиции, обсуждалась редко. Там понятие “революция” представляло собой конструкцию, связывающую развитие производительных сил и производственных отношений. Ни К. Маркс, ни его последователи не анализировали проблемы, возникающие, когда за крахом старых институтов еще не последовало формирование новых.

Революциям посвящено немало интересных работ. Но дело в том, что сам термин “революция” изменчив во времени и пространстве, его по-разному воспринимают во Франции, России, Англии, США, Германии, странах Восточной Европы¹.

Многие современные государства возникли в результате революций. После английской “славной революции” это слово приобрело позитивный оттенок. На самом деле, в годы английской революции XVII в. романтики в беспорядке и безвластии, нередко сопровождавшихся большой кровью, было мало. Революция – это трагедия, приговор старой элите, оказавшейся неспособной провести эволюционные реформы, урегулировать социальные конфликты².

Под революцией обычно понимают потрясения, снимающие препятствия на пути развития общества. Но революция – это часть более широкого круга явлений, связанных с тем, что старой власти уже нет, а новой еще нет³. Не случайно в русском языке слово революция перекликается со словом смута, периодом хаоса и беспорядка.

Важнейший атрибут государства – монополия на применение насилия. Она никогда не бывает полной. Однако в упорядоченных обществах роль негосударственного насилия маргинальна. Для большинства граждан государство не всегда эффективный, но привычный защитник. Всплеск насилия, который государство неспособно контролировать – определяющая черта революций и смут. Вот картина революционной жизни 1917–1918 гг.: “Охрана личности исчезла вовсе... Грабежи сделались бытовым явлением... Личной неприкосновенности в смысле права граждан и ограничения для власти нет и следа. Жандармские обыски и охранные аресты былого времени – верх правомерных действий, сравнительно с обысками, проводимыми по ордером советской власти” [Вестник... 1918, с. 380].

Крах государства, денег, гарантий собственности происходит со скоростью, поражающей современников. Разительные отличия в мироощущении, когда власть жестко подавляла всякое сопротивление, и наступившим через пару дней полным безвластием заставляла людей смотреть на происходящее, как на нечто нереальное. Старые институты были устойчивы, они формировались на протяжении жизни многих поколений. Чтобы придать новым институтам стабильность, нужны годы, нередко десятилетия. Но когда привычные установления уже не действуют, а новых – еще нет, жизнь становится невыносимой.

Как выглядят революция при ближайшем рассмотрении, описывает один из свидетелей событий марта 1917 г.: «Я иду впереди роты, слышу сзади: “Нет теперь ко-

---

¹Революция – радикальные преобразования, практически не контролируемые властью и сопровождающиеся крахом государства (см. [Стародубовская, Мау, 2001, с. 16]).

²Революция – это “время, когда государство не выполняет своих ежедневных обязательств, когда собственность не защищена властями, когда жакерия охватывает село, беспорядки возникают в городах, когда замки грабят, архивы жгут. Магазины взрываются, продовольственное снабжение и транспорт оказываются парализованными, когда ренты и долги больше не платят, когда суды не выносят приговоры. Когда полицейский не решаете выполнить приказ, когда жандармерия парализована, полиция не действует, когда повторяющиеся амнистии защищают грабителей, когда в местных и центральных властях появляется много бесчестных авантюристов, враждебным ко всем, у кого есть собственность” [Taine, 2001, p. 3].

³Деятели Белого движения в работах, посвященных русской революции, нередко использовали термин “смута” для описания происходившего, сравнивая происходящее в новейшей российской истории с событиями Смутного времени начала XVII в. (см. [Деникин, 1991]). В. Даль определяет смуту как возмущение, восстание, мятеж, крамолу, общее неповиновение, раздор между народом и властью (см. [Даль, 1994, с. 300]). Точные, позволяющие учесть все оттенки, связанные с историческим наследием, переводы – вещь крайне сложная. На мой взгляд, ближайшее приближение к российскому слову “смута” на английском языке это “*revolt*”, “*distemper*” или “*uprising*”.

мандиров! Идем, как хотим!”. Солдаты пьяны и свободой и водкой, все течет само-теком... Со странно сведенным лицом стоит и генерал Бем, держа под козырек. Его белую перчатку я вижу на кровавых полотнищах кумача. А вокруг взлетают папахи, гремят марши, туши... Но вдруг все прорезали сильные выкрики: “Бема бьют!”. И все кинулись к трибуне комиссара, а с тротуара, ничего не поняв, дамы машут сумочками, платками, кричат: “Ура!”... Сзади на снегу валяется голый, пятнистый от кровоподтеков, растоптанный солдатскими сапогами труп полного человека, и в этом трупе, странно раскинувшем руки и ноги, есть что-то совершенно несообразное с только что виденным командиром бригады и начальником гарнизона» [Гуль, 1952].

Кризисы, порождающие институциональный вакуум, явление в истории сравнительно редкое. И развитие событий в это время не укладывается в привычные представления людей о нормальной жизни. Экономисты, даже с мировым именем, порой высказывают наивные суждения, когда речь заходит о событиях, происходивших при разрушении коммунистического режима в СССР.

Американские профессора пишут о событиях в России начала 1990-х гг.: “Ельцин и его коллеги должны были рассказать российскому населению о том, что путь к национальному обновлению будет долгим и тяжелым, что национальная солидарность и социальная справедливость критически важны, что государство будет стремиться равномерно распределить тяготы перехода к новому режиму между гражданами, что оно постарается обеспечить максимально возможный уровень политической свободы, что оно будет стремиться постепенно увеличить уровень экономической свободы, вводя элементы рыночной экономики, но при этом обеспечивая социальную стабильность” [Reddaway, Glinski, 2001, p. 281–282].

Профессор, выросший в условиях стабильной демократии, может доказывать, что введение свободных цен, конвертируемой валюты, приватизация государственного имущества сами по себе не формируют предпосылки экономического роста, что для создания развитой системы институтов, необходимой для эффективного функционирования рыночной экономики, нужны десятилетия, если не столетия. Но что делать, когда жизнь требует решений немедленно?

Интересно читать о том, что “рыночные институты включают: правовую структуру с соответствующими законами, судами, кадрами юристов и системой мер, обеспечивающей соблюдение законодательства; кодифицированные права собственности; торговый, гражданский и налоговый кодекс; банковскую систему, охватывающую коммерческие инвестиционные банки, которые обеспечивают оборотный и долгосрочный капитал; бухгалтерские, финансовые, страховые, рекламные фирмы; структуру государственного регулирования; жизнеспособную валюту как средство обращения, сохранения стоимости и как расчетную единицу”. Полезно узнать и про «сеть социальной безопасности в качестве составляющей нового “социального контракта”», и про то, что “цивилизованное общество не может выжить, когда необходимость уважения законов и других социальных норм рассматривается исключительно под углом зрения эгоистического интереса. Оно теряет жизнеспособность, если большинство людей соблюдают законы (например, платят налоги) лишь тогда, когда гедонистические подсчеты показывают, что дисконтированные величины вероятных санкций в случае поимки превышают дисконтированные же размеры вероятных выгод от нарушения законов” [Реформы... 1996, с. 73, 132–133].

Американский экономист, лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц в работе, посвященной российским реформам, задает вопрос: “Почему реформаторы так не желали начинать с того места, где они находились? Возможно, постсоветские реформаторы считали, что все, органично выросшее на почве советских или российских реформ, несет на себе клеймо коммунизма” [Стиглиц, 1999, с. 28].

Особенно трогательно было слышать подобные рассуждения осенью 1991 г., когда наша страна стала банкротом. Когда запасов зерна в крупных городах оставалось, даже при самых минимальных нормах, лишь на несколько дней, а советская экономическая система была устроена так, что поставки продовольствия выполнялись только при угрозе репрессий. Когда у российского правительства не было ни одного бое-

способного полка, готового исполнить приказ. Когда не существовало ни государственной, ни таможенной границы России: в портах Одессы, Таллина, Клайпеды, Вентспилса союзными властями граница не контролировалась, а обустроенной границы между Украиной, Прибалтикой и Россией не было. Когда не было единой системы правосудия, не работали милиция и прокуратура. Когда государство было просто не способно выполнять свои функции. В такие времена на первый план выдвигаются не проблемы темпов роста, сохранения социальных гарантий и уровня безработицы, а угроза голода, холода и гражданской войны.

Режим С. Хусейна был преступным. События весны 2003 г. подтвердили: никто в Ираке умирать за Хусейна не хотел. Большинство жителей Ирака встречали американцев как освободителей. Если не считать кучки преданных Хусейну головорезов, военная и полицейская элита старого режима была готова служить новой власти, более того – рассчитывала ей служить.

Однако те, кто вырабатывал в то время американскую политику, не жили в деинституционализованном обществе. Они знали, что режим аморален, они его уничтожили, разрушили его институты, включая армию и полицию. Они просто не могли оценить последствия реализации своих планов. Вот как описывали развитие событий американские журналисты: “В детских садах нет электричества. Воспитатели разбежались, родители боятся отпускать детей в образовательные учреждения... Практически каждое государственное министерство с характерным исключением министерства нефти было разграблено и сожжено. Банки, расположенные в районе Багдада, были разграблены... Уже 4 апреля сразу после краха режима снабжение Багдада электроэнергией прекратилось. Система водоснабжения работала лишь на 40% своей мощности” (New York Times. April 20, 2003). К июню 2003 г. американская администрация осознала, что грабежи наносят иракской экономике больший ущерб, чем военные действия. Хищение медных электропроводов стало массовым. Крах структур старого режима открыл дорогу массовому распространению контрабанды.

Те, кто принимал решения, не понимали, что после исчезновения с улиц полиции старого режима грабежи, перебои в энергоснабжении станут элементами ежедневной жизни, что многие привычные установления (например, низкие цены на бензин) можно поддерживать, лишь имея действующие пограничные и таможенные службы, что с их исчезновением дефицит нефтепродуктов, холод и голод станут острой проблемой⁴.

Крах установлений, отсутствие порядка, гарантий прав собственности, соблюдения контрактов приводит к социальной и экономической катастрофе. Такое не случалось и в российской истории. Так было в Смутное время начала XVII в. и в 1917–1921 гг. Периоды деинституционализации – не уникальная российская специфика. При исследовании механизмов развертывания социальной деструкции обнаруживается сходность, даже общность происходившего в странах с различающимися традициями и уровнями развития.

Смута – социальная болезнь, сопоставимая по последствиям с голодом, крупномасштабными эпидемиями, войнами. Как показывает исторический опыт, она не вырабатывает устойчивый иммунитет. Отмечена схожесть происходившего в Москве 22 августа 1991 г. с тем, что было в Париже после взятия Бастилии или Петрограде 28 февраля–1 марта 1917 г. Ликование по поводу свержения старого, утратившего доверие режима, массовые демонстрации в поддержку новой власти, пьянящее отсутствие всякой власти – и старой, и новой. Те, кто знали историю французской и русской революций, представляли, что в августе 1991 г. может последовать за коротким периодом ликования, насколько серьезные риски, с которыми столкнулась страна.

По прошествии небольшого, по историческим меркам, времени смещаются общественные оценки, люди путают имена, даты, последовательность событий. Это происходит не по злему умыслу, так устроена человеческая память. Когда общество, пережив трудные времена, мучительно приходит в себя, в его недрах вызревает сначала

---

⁴ О связи уничтожения авторитарного режима в Ираке с крахом общественного порядка, прекращением функционирования важнейших элементов инфраструктуры см. также [Arnoldy, 2003; Kaplow, 2003]. О хаосе в Ираке после краха режима Хусейна см., например, [Slackman, Perry, 2003; Otis, 2003].

подсознательное, а затем и рациональное стремление забыть прошлое или сконструировать вместо него нечто иное, более удобное и жизнеутверждающее. Сперва новая конструкция имеет что-то общее с происходившим, но со временем начинает жить по своим законам, отнюдь не соответствующим фактам истории.

Для тех, кому сейчас 20–30 лет, произошедшее в России на рубеже 1980–1990 гг. представляется далеким прошлым. Многие люди постарше вычеркнули события того времени из памяти. Они слишком страшные, неприятные и непонятные. О них хочется забыть, а если не забыть, то как-то подсластить, чтобы прошлое не горчило память о молодости. Наверное, поэтому миллионы наших сограждан, совсем еще не старых, забыли о всеобщем дефиците, о пустых полках магазинов. Они искренне убеждены в том, что в стране до начала экономических реформ денег и товаров было достаточно, жизнь была стабильна, социальная защита обеспечена.

Они помнят, что зарплаты и пенсии были хотя и небольшими, но на жизнь хватало, зато работа, медицинская помощь, бесплатное образование и летний отдых для детей, пенсия в старости были гарантированы. Что страна называла себя государством рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции и гордилась социальным равенством. Что советским гражданам завидовали миллионы обездоленных пролетариев во всем мире.

Но не помнят или не хотят помнить о том, что многие семьи едва сводили концы с концами, что плохонький телевизор или холодильник был пределом мечтаний, а обладатель “Москвича” воспринимался как очень богатый человек. Их не убеждают ни число автомашин и бытовой техники в расчете на 1000 человек тогда и сегодня, ни другие показатели роста уровня благосостояния. Они забыли, что каждый ропот недовольства, каждый протест рабочих и интеллигенции зорко отслеживался КГБ, что протестующих ждала тюрьма или психбольница, а иногда и расстрел, как это произошло в Новочеркасске в 1962 г.

Такая амнезия общественной памяти – естественная реакция на пережитые тяжелые годы революции 1991–1993 гг. Но если не знаешь правду о прошлом своей страны, то можешь сделать серьезные ошибки в будущем. Хотя и говорят, что история учит только тому, что ничему не учит, но и это правило имеет исключения. В XX в. Россия совершила немало ошибок. Две из них были связаны с радикальной деинституционализацией в 1917–1921 гг. и на рубеже конца 1980-х–начала 1990-х гг. Цена их была очень высокой. Не повторить их – наша задача.

Проблемы обществ с рухнувшими институтами

Технические инновации, увеличение промышленного производства, урбанизация начинаются во время, близкое к французской революции. На рубеже XVIII–XIX вв. наиболее развитые страны Европы, европейские переселенческие колонии вступили в новую индустриальную эпоху. Неудивительно, что в сознании мыслителей XIX в. социально-экономические перемены и революция оказались неразрывно связанными.

Исследователи французской революции 1830–1840 гг. обратили внимание на связь происходящих процессов с классовой борьбой. К. Маркс и марксисты, видение мира которых во многом формировалось под влиянием опыта французской революции, ставят вопрос шире: мир меняется и будет меняться. Производственные отношения должны соответствовать уровню развития производительных сил. Это делает революции неизбежными. Для марксистов естественно представление, что революция предопределена логикой общественного развития, она – необходимый элемент исторического процесса.

На этом фоне непросто понять, почему в работах марксистов XIX в. столь мало внимания уделяется влиянию революции на ежедневную жизнь людей, функционирование экономики. Ведь в случае успеха революции марксистам предстояло отвечать за решение финансовых проблем, снабжение городов продовольствием, работу транспорта и связи. Видимо, романтикам революции обсуждать ее влияние на качество французских дорог, ремонт которых при старом режиме обеспечивался натуральными повинностями крестьян, было скучно. Между тем, от этого зависело, сможет ли

столица связаться с региональными властями, способно ли государство обеспечить порядок⁵.

Революцию редко удавалось предсказывать. Это катаклизм, который наступал неожиданно для его участников – как правящего режима, так и тех, кто приходил ему на смену. Анализ предпосылок революции дается лишь историкам, изучающим их десятилетия спустя. Современники поражаются неожиданностью произошедших событий.

Франция была централизованной монархией с сильным бюрократическим аппаратом. В регионах власть интендантов – назначаемых центром чиновников – была велика. Они контролировали даже самые незначительные суммы, направляемые на местные нужды. Основой налоговой системы был прямой налог – талья, взимаемый на основе раскладки по территории и круговой поруки. Такая система требовала централизованной налоговой администрации [Roberts, 1990, p. 2].

Армия Франции в 1780-х гг. считалась одной из сильнейших в Европе. Безопасности границ ничто не угрожало. За политическую стабильностью стояла вековая история. В то время ничто не предвещало, что французское государство может рухнуть в одночасье.

В эти годы можно было увидеть признаки приближающейся катастрофы: финансовый кризис, неготовность привилегированного сословия к компромиссам. Однако ни депутаты, собравшиеся на заседание Генеральных штатов, ни королевская власть не ожидали ничего подобного тому, что произошло в 1789 г.

Поколения историков обречены обсуждать, была ли французская революция по своей природе классовая, какое влияние она оказала на развитие страны, в какой степени с ней связана череда “малых революций” 1830, 1848 и 1871 гг. Трудно представить и завершение дискуссии о том, была ли российская смута начала XVII в. результатом переобложения крестьянства налогами во время Ливонской войны, его закрепощения или результатом случайных обстоятельств (пресечение династии), наложившихся на внешние факторы, слабо связанные с ходом российской истории. Можно привести список важных для национальной, а иногда и мировой истории вопросов, дискуссии по которым будут продолжаться долго. Эти вопросы: почему крах институтов старого режима стал реальностью, какие социальные силы участвовали в политической борьбе, кто в ней победил, как произошедшее отразилось на долгосрочных перспективах развития страны и мира, – несомненно важны для понимания логики исторического процесса, но выходят за пределы предмета данной работы.

Здесь же речь идет о том, с какими проблемами сталкиваются общества, в которых важнейшие для организации жизни установления рухнули, а новые не сформировались. Или, в терминах современной экономической науки, проблемы общества в период деинституционализации.

Цивилизация – хрупкая конструкция. Ее невозможно сохранить, если в города не поступает продовольствие, не обеспечен элементарный порядок, армия не способна защитить территорию, нет ресурсов для ее содержания. Когда социальные механизмы работают удовлетворительно, люди воспринимают это, как само собой разумеющееся. Можно жаловаться на дороговизну или коррупцию, преступность, но человеку, выросшему в стабильном цивилизованном обществе, непросто представить, что хлеб в город не привозят вовсе, а полиция исчезла с улиц. Когда он сталкивается с подоб-

---

⁵ «Для того чтобы из Парижа успешно руководить и иметь сведения обо всем, требовалось изобрести множество способов контроля. Размеры переписки столь огромны, а медлительность административной процедуры столь велика, что я не припомню случая, когда бы, например, приходу удалось добиться разрешения восстановить свою колокольню или починить дом священника менее, чем за год; чаще всего проходят два-три года, прежде чем подобное разрешение будет получено. Сам совет в одном из своих указов (29 марта 1773 г.) отмечает, что “административные формальности влекут за собой бесконечные промедления в делах и часто вызывают самые справедливые жалобы. Тем не менее, все эти формальности необходимы”, – добавляется в конце» [Токвиль, 1997, с. 55]. Об ухудшении функционирования дорог, каналов, портов, освещения, всего, что связано с гигиеной, образованием, здравоохранением, поддержанием порядка во время французской революции см. [Taine, 2001].

ной ситуацией, она представляется ему катастрофой, кошмаром, для людей религиозных – проявлением гнева божьего.

Цивилизацию можно сравнить с достижениями науки и техники, которые кардинально изменили нашу жизнь. Например, электричество. Тысячи лет человечество обходилось без него и создало великие культуры. Электричество сделало быт более комфортным, но и более хрупким. Прекращение электроснабжения крупного города на двое суток – тяжелое испытание для его жителей, а во время холодной зимы – катастрофа.

На заре цивилизации производство и потребление продуктов питания были тесно связаны, территориально объединены. Чтобы жизнь шла своим чередом, не нужны были развитая иерархия, упорядоченное налогообложение, письменность. В цивилизованных обществах без этого обойтись стало невозможно. Утрата письменности в Восточном Средиземноморье после краха Крито-микенской цивилизации на века вернула общество на доцивилизационный уровень развития.

В древнем мире проблемы деинституционализации характерны для централизованных аграрных империй. В современную эпоху с ними может столкнуться любая индустриальная страна, жизнь которой зависит от бесперебойной работы железных дорог, аэропортов, энергетических систем, телефонной связи. Обеспечить функционирование инфраструктуры без системы действующих социальных институтов невозможно.

Национальная и культурная специфика, внешняя среда, уровень грамотности, степень урбанизации накладывают отпечаток на то, как разворачиваются события в период деинституционализации. Если выстроить идеальную модель смут и революций⁶, можно увидеть картину взаимосвязанных процессов, разворачивающихся на фоне краха институтов старого режима.

Ключевой институт – монополия органов государства на применение насилия. До тех пор, пока она сохраняется, пока армия готова выполнять приказы, режим остается стабильным, крушение ему не грозит. В России это показали события 1905–1907 гг., когда гвардейские части подавили попытку вооруженного восстания в Москве, а вернувшаяся с Дальнего Востока армия усмирила вышедшую из-под контроля деревню. Неповиновение войск власти – явление в истории нечастое, поэтому закрепилось представление, что армия всегда лояльна режиму. Пока и общество, и власть в это верят, силу применять не приходится. Граждане, недовольные действующим режимом, вынуждены ограничиваться мирными протестами.

Но верность армии существующей власти, ее готовность выполнить приказ применить оружие против народа – не гарантирована. Речь идет не о рыцарском ополчении, а об армиях централизованных аграрных государств или государств, находящихся в процессе современного экономического роста. Армия связана с обществом. Если в нем преобладает убеждение, что власть несправедлива и коррумпирована, добиться того, чтобы этого не обсуждали в армии, невозможно. Когда в казармах говорят о том, что в случае народных выступлений войска могут отказаться стрелять, число военных, готовых открыть огонь, сокращается. Солдаты и офицеры понимают: если режим падет, то толпа растерзает именно тех, кто открыл огонь.

Первые признаки проявления нелояльности армии означают, что режим столкнулся со смертельной угрозой. Когда неповиновение становится открытым, распространяется на столичный гарнизон, падение власти неизбежно. Но и для армии, основа которой – дисциплина, отказ исполнять приказы, измена существующей власти – тяжелая травма. Полагать, что после отказа применять оружие против народа воинские части спокойно вернутся в казармы – иллюзия.

Со старой властью армию связывают традиции, привычка подчиняться. С новой властью – ничего. Это выясняется сразу после того, как проходит эйфория первых послереволюционных дней. Армейский механизм перестает работать, дисциплина па-

⁶ Определение “идеального типа” по М. Веберу см. [Вебер, 1990, с. 605–606].

дает, солдаты приказы обсуждают, а не выполняют. Трудно объяснить им, почему они должны рисковать жизнью, выполняя распоряжения лидеров нового режима. Дезертирство с оружием становится массовым. У новых властей нет пригодной к боевому применению армии. По улицам бродят агрессивные толпы вооруженных людей.

Во времена революций органы правопорядка ассоциируются со старой властью. При массовом протесте общества и нелояльности армии полиция бессильна. Она и не пытается предотвратить крах режима. Но, когда он происходит, полицейские – первые жертвы, на которых толпа вымещает накопившуюся ненависть к старым властям.

Эффективно функционирующая система правоохранительных органов – сложная структура, опирающаяся на развитую систему связей, накопленную информацию, агентурную сеть. Она рушится за несколько дней. Даже когда сотрудников полиции в массовых масштабах не убивают или увольняют, работа правоохранной системы оказывается парализованной. Ее сотрудники знают, что общество им не доверяет. Если в городе никто не контролирует вооруженных солдат, работа по обеспечению правопорядка опасна и неблагодарна. К тому же непонятно, насколько устойчива новая власть, не придется ли потом отвечать за сотрудничество с ней. После краха старого режима на улице долго не встретишь представителя правоохранительной власти, готового поддерживать порядок.

Тюрьмы – один из ключевых символов тирании. Толпа, распахивающая ворота тюрьмы, неспособна вести следствие и вершить суд, разбираться в том, кто сидит за нелояльность властям, а кто за убийство и грабеж. Все, кого старый режим считал преступниками, оказываются на свободе. Паралич работы органов правопорядка, тысячи выпущенных из тюрем уголовников, отсутствие контроля над оружием, разгул преступности характерны для всех смут и революций.

Новые лидеры приходят к власти на волне народной поддержки, воплощают общественный протест против старого режима. Эти энергичные и нередко талантливые люди обещают народу, что, когда будет покончено с деспотизмом, жизнь можно будет наладить, решить застарелые общественные проблемы. Вера в это помогает вывести людей на баррикады.

С падением режима проблемы финансового кризиса, перебоев со снабжением городов продовольствием встают перед новой властью. Возможности их решить – ограничены. Через несколько дней после революционных событий люди задаются вопросом: а кто такие представители новой власти, откуда они взялись, с какой стати мы должны им подчиняться?

На этом фоне иногда возникает феномен многовластия. Каждый из конкурирующих центров претендует на то, что именно он – законная власть. Пока эти центры борются между собой, страна погружается в омут анархии. Т. Гоббс, описавший в Левиафане картину борьбы всех против всех, ничего не выдумал. Он лишь стилизовал известные ему картины английской революции середины XVII в. [Гоббс, 1936].

Контроль органов власти над ситуацией на местах – предпосылка эффективного функционирования централизованных государств. После краха прежнего режима система контроля за сбором налогов, использованием финансовых ресурсов, судопроизводством, обеспечением правопорядка в отдаленных от столицы регионах выходит из строя. Уполномоченных прежними властями чиновников, представлявших центральную власть, смещают или перестают им подчиняться. Феномен многовластия не ограничивается столицей, он есть и на региональном и субрегиональном уровнях.

Термином “собственность” описывают разные социальные конструкции. То, что в последние века в Европе принято называть собственностью, не слишком подходит к описанию реалий большей части аграрного мира. Но при всех различиях в стабильно функционирующих обществах понятно, кто в этом году владеет и пользуется участком земли. Это признают и органы власти, и соседи. Переделы земли могут быть распространенной практикой, но и они привычны и предсказуемы. Для разрешения споров о земельной собственности есть устоявшиеся механизмы: община, суд. Все это работает до тех пор, пока государство сохраняет монополию на применение наси-

лия. Когда ее нет, системы обеспечения правопорядка, судопроизводства парализованы. Массовыми становятся грабежи, самозахваты земли, ее переделы. Само понятие собственности становится размытым, условным. Отсутствие ответа на вопрос о том, насколько самозахваты приносят устойчивые результаты, не вернут ли землю старым хозяевам при изменении расклада сил в столице, подрывает стимулы к вложениям в улучшение качества земли, дезорганизует сельскохозяйственное производство.

Сборщик налогов – один из ненавистных персонажей в истории. Тяжесть налогового бремени, несправедливость его распределения подвигают людей на выступления против старого режима. Призывы снизить или отменить налоги – эффективное оружие в борьбе за власть. Когда новые власти берут в руки бразды правления, они вынуждены принять как данность тот факт, что исполнение государством его обязанностей надо финансировать. Независимо от того, пытается новая власть отменить налоги или ограничивается их снижением, возможности налогообложения снижаются. Люди не понимают, почему после краха старого режима они по-прежнему что-либо должны платить государству.

Если государство не может ни отказаться от расходных обязательств, ни собрать необходимые для их финансирования налоги, результат однозначен. Это финансовый кризис. В обществах, в широких масштабах использующих бумажные деньги, первая реакция властей – переход к эмиссионному финансированию бюджетных расходов. Инфляция нередко перерастает в гиперинфляцию, приводит к параличу денежного обращения. Там, где роль бумажных денег в экономике ограничена, власти пытаются решить проблему порчей монеты. Иногда эмиссионное финансирование и бюджетные неплатежи становятся последовательными стадиями развертывания финансового кризиса. Когда доверие к бумажным деньгам подорвано, возможности мобилизации эмиссионных доходов приблизились к нулю, государство отказывается от денежной эмиссии. Однако расходные обязательства остаются. Массовыми становятся бюджетные неплатежи, задолженность государства перед армией, чиновниками.

Крахи старых институтов и отсутствие новых по-разному сказываются в деревне и в крупных городах. Деревня может обеспечить себя продуктами питания при любом режиме, если их, конечно, не отбирают силой. От городских товаров можно на время отказаться. В малых городах жители еще не оторвались от села, нередко обрабатывают земельные участки. Здесь положение сложнее, чем в деревне, но тоже не критическое.

В крупных городах снабжение продовольствием становится трудноразрешимой проблемой. Сказывается расстройство коммуникаций. Дороги не ремонтируют, каналы мелеют, шлюзы выходят из строя. Паралич правоохранительных органов, рост преступности делают торговлю занятием опасным. Это ведет к натурализации крестьянского хозяйства.

Разрушение налоговой системы снижает потребность деревни в деньгах. Сборщик налогов больше не приходит, а если придет, его можно выгнать, не опасаясь последствий. Реакция крестьянского хозяйства на облегчение налогового бремени – сокращение производства товарного зерна, рост потребления продуктов питания в крестьянских семьях.

Крестьяне не торопятся обменивать продовольствие на теряющую цену “крашеную бумагу”. Попытки организации безденежного продуктообмена между городом и деревней не позволяют обеспечить минимальные потребности города в продуктах питания. Город нуждается в продовольствии больше, чем деревня в промышленных товарах.

Характерные черты периодов деинституционализации: кризис продовольственного снабжения крупных городов, дороговизна продуктов питания. Это удар по уровню жизни городского населения, особенно его низкодходных групп. Между тем речь идет о социальных группах, которые недавно принимали участие в выступлениях, приведших к свержению старого режима. В общественном сознании зреет убеждение:

при старой власти было плохо, при новой – еще хуже. Ответственность за это лежит на лидерах нового режима. Их надо сменить, более того, казнить.

В руках у новых властей нет ни боеспособной армии, ни работающих органов правопорядка. Развитие политического процесса зависит от того, кого поддержат жители столицы. Получить их поддержку надо любой ценой. Необходимая предпосылка – удовлетворительное обеспечение столицы продовольствием. Если его невозможно добиться, закупая продукты питания в деревне по рыночным ценам, выход один – насильственная реквизиция. Она может проводиться конкурирующими городскими отрядами, которые отправляются в деревню отнимать у крестьян зерно, или централизованными формированиями, выполняющими те же задачи. Результат один – город объявляет деревне войну, силой пытается взять продовольствие, которое крестьяне не готовы продавать за обесценивающиеся деньги.

Отношение крестьян к происходящему понять нетрудно. Представители прежнего режима требовали уплатить налоги на основе привычных правил. Пришедшие из городов вооруженные люди отбирают у крестьян урожай, не задумываясь, сколько можно взять, чтобы не разрушить крестьянское хозяйство, не обречь крестьянскую семью на голод. На этих людей в деревне смотрят как на грабителей. Реакция на попытку города силой взять продовольствие в деревне понятна – восстания, нередко перерастающие в гражданскую войну. В некоторых регионах страны крестьянский протест делает реквизиции невозможными. За этим следует ухудшение продовольственного снабжения городов, введение карточной системы распределения продовольствия, неотоваренные карточки. Крестьяне ненавидят новые власти за то, что они отбирают хлеб. Городские низы ненавидят их за то, что снабжение ухудшается, наступает голод. Нарастает недовольство, усиливается политическая нестабильность. На нее накладывается уязвимость государства, переживающего кризис деинституционализации, по отношению к притязаниям соседей к его территории. После развала армии страна, еще недавно бывшая активным участником международных процессов, становится беззащитной. Сохранение ее целостности, масштабы территориальных потерь зависят от алчности соседей.

Стабилизация новых институтов требует времени. Нужно, чтобы общество к ним привыкло, чтобы на смену прежней системе сбора налогов пришла новая, позволяющая покончить и с высокой инфляцией, бюджетными неплатежами; чтобы армия обрела боеспособность, а правоохранительная система начала работать; чтобы стабильные деньги позволили наладить торговлю между городом и деревней, отказаться от реквизиций, обеспечить рост сельскохозяйственного производства, а отношения собственности в том виде, в котором они сложились, стали привычными. Сколько на это потребуются времени – угадать трудно. В XX в. самый длинный период деинституционализации – Китайская революция 1911–1949 годов. Но история знает и более протяженные периоды хаоса и анархии, следующие за крахом централизованной империи. Даже если ограничиться крупными странами, события в которых играли существенную роль в мировой или региональной истории, число случаев, когда обществу приходилось решать проблемы деинституционализации, исчисляется десятками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
Вестник Европы. 1918. Январь–апрель.
Гоббс Т. Левиафан: или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1936.
Гуль Р. Конь рыжий. Нью-Йорк, 1952. Ч. 3. Гл. 5 (ldn-knigi.narod.ru).
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1994. Т. 4.
Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 1991.
Реформы глазами российских и американских ученых. М., 1996.
Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции – от Кромвеля до Путина. М., 2001.

Стиглиц Дж. Куда ведут реформы? (К десятилетию начала переходных процессов) // Вопросы экономики. 1999. № 7.

Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М., 1997.

Arnoldy B. In Vanguard of 'Peaceful Occupation'. Civil-affairs Troops have been Sent to Iraq in Their Biggest Callup since World War II // The Christian Science Monitor. April 8, 2003.

Gustafsson B. Some Theoretical Problems of Institutional Economic History // Scandinavian Economic History Review. 1998. Vol. XLVI. No. 2.

Kaplow L. War in the Gulf: the Iraqi People: Iraqi Police, Doctors, Engineers Eager to Roll up Sleeves // The Atlanta Journal – Constitution. April 13, 2003.

North D.C. Economic Performance Through Time // The American Economic Review. 1994. Vol. 84. No. 3.

North D.C. Institutional Change and Economic Growth // The Journal of Economic History. 1971. Vol. 31. Issue 1. March.

North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, 1990.

Otis J. Iraqis Find Job of Stilling Chaos Being Left to Them // Houston Chronicle. April 17, 2003.

Reddaway P., Glinski D. The Tragedy of Russia's Reforms. Market Bolshevism Against Democracy. Washington (D.C.), 2001.

Roberts J. The Counter-revolution in France 1787–1830. London, 1990.

Slackman M., Perry T. U.S. Moves to End Chaos in Baghdad // Los Angeles Times. April 13, 2003.

Taine H.A. The French Revolution. 2001. Vol. 3. Book IV. Ch. II. Food and Provisions. 1878 (http://nalanda.nitc.ac.in/resources/english/etext-project/history/frenchrev3_taine/).

© Е. Гайдар, 2010